

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(8), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Шипова И. А. Манипулятивные механизмы в немецкоязычном экономическом дискурсе (на примере публикаций о внешнеэкономических связях Германии и Китая в 2020—2023 годах) / И. А. Шипова, Н. В. Бадаева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 148—169. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-148-169.

Shipova, I. A., Badaeva, N. V. (2024). Manipulative Mechanisms in German Economic Discourse: A Study of Publications on Foreign Economic Relations between Germany and China in 2020-2023. *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 148-169. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-148-169. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Манипулятивные механизмы в немецкоязычном экономическом дискурсе (на примере публикаций о внешнеэкономических связях Германии и Китая в 2020—2023 годах)

Шипова Ирина Алексеевна¹

orcid.org/0000-0001-6179-6960

доктор филологических наук,
профессор

кафедры немецкого языка
корреспондирующий автор
shipowa@mail.ru

Бадаева Наталья Валерьевна²

orcid.org/0000-0003-4137-8918

WoS ResearcherID: P-6316-2015

кандидат филологических наук, доцент
кафедры немецкого языка
natalia_badaeva@mail.ru

¹Московский педагогический
государственный университет
(Москва, Россия)

²Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Manipulative Mechanisms in German Economic Discourse: A Study of Publications on Foreign Economic Relations between Germany and China in 2020-2023

Irina A. Shipova¹

orcid.org/0000-0001-6179-6960

Doctor of Philology, Professor
Department of German Language

corresponding author
shipowa@mail.ru

Natalia V. Badaeva²

orcid.org/0000-0003-4137-8918

WoS ResearcherID: P-6316-2015

PhD of Philology, Associate Professor
Department of German Language
natalia_badaeva@mail.ru

¹Moscow Pedagogical
State University
(Moscow, Russia)

²Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

© Шипова И. А., Бадаева Н. В., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению механизмов манипулятивного воздействия в немецкоязычном экономическом дискурсе. Эмпирическим материалом послужили статьи Кёльнского института мировой экономики, описывающие внешнеторговое сотрудничество ФРГ и КНР в 2020—2023 годы. Выявлено, что метафоры, заимствования, фразеологизмы, экспрессивы, эмотивы, включающие комбинации оценочных коннотаций, оказывают скрытое манипулятивное воздействие на участников коммуникации. На уровне грамматики превосходная степень наречий и модальные глаголы в форме претеритального конъюнктива позволяют конструировать изложение так, чтобы занижать значимость успехов КНР как экономического конкурента. Анализ показал, что манипулирование в экономическом дискурсе намеренно заретушировано, то есть имеет имплицитный характер. Выяснено, что в подобных текстах представлять китайскую экономику в однозначно негативном свете нецелесообразно, однако нельзя не заметить тенденции занижения значимости успехов, негативной оценки деловой активности, преувеличения степени опасности для партнеров по бизнесу со стороны Китая. Новизна и актуальность исследования обусловлены постановкой вопроса о техниках манипулятивного воздействия при формировании языковой картины мира в рамках экономического дискурса, который до сих пор с этой позиции не рассматривался, поскольку считается разновидностью объективированного текста, опирающегося на научно-статистические данные.

Ключевые слова:

экономический дискурс; языковая картина мира; речевое манипулирование; германские языки; коннотация; семантика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the mechanisms of manipulative influence within German-language economic discourse. The empirical material consists of articles from the Köln Institute for Economic Research, detailing external trade cooperation between Germany and China during the years 2020 to 2023. It has been found that metaphors, borrowings, idiomatic expressions, expressive language, and emotives — comprising combinations of evaluative connotations — exert a covert manipulative effect on communication participants. At the grammatical level, the use of adverbs in the superlative degree and modal verbs in the preterite subjunctive form enables the construction of narratives that downplay the significance of China's successes as an economic competitor. The analysis reveals that manipulation within economic discourse is intentionally obscured, possessing an implicit nature. It has been determined that portraying the Chinese economy in an unequivocally negative light is impractical; however, there are noticeable trends towards diminishing the significance of its successes, negatively evaluating business activity, and exaggerating the perceived threats posed by China to its business partners. The novelty and relevance of this research lie in addressing the techniques of manipulative influence in shaping the linguistic worldview within economic discourse — a perspective that has not yet been explored, as such texts are often considered objective documents grounded in scientific statistical data.

Key words:

Economic discourse; linguistic worldview; speech manipulation; German languages; connotation; semantics.

УДК 811. 11-112 130.2

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-148-169

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Техника манипулятивного воздействия на формирование языковой картины мира в экономическом дискурсе (на примере описания внешнеэкономических связей Германии и Китая)

© Шипова И. А., Бадаева Н. В., 2024

1. Введение = Introduction

Стремительные трансформации геополитической ситуации в современном мире, а также сопутствующие им изменения в экономике оказывают влияние на картину мира как отдельных людей, так и социума в целом.

Под *картиной мира* в общефилософском плане понимается глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека и репрезентующий его сущностные свойства в понимании носителей определенного языка как членов национально-культурного сообщества, она является результатом всей духовной активности человека [Роль..., 1988, с. 20—21].

Для любой из разновидностей картины мира, будь то наивная, религиозная или научная, язык является тем инструментом, посредством которого люди систематизируют и репрезентуют соответствующие концепты [Там же, с. 142—143] как структурно-содержательные единицы сознания. Сказанное предполагает наличие у каждого из человеческих сообществ особой, характеризующейся своеобразием языковой картины мира, которая исторически складывается в обыденном сознании определенного языкового коллектива и представляет собой отраженные в языке совокупные знания о мире и способы их получения и интерпретации [Пименова, 2019, с. 25—26].

В число неотъемлемых характерных признаков языковой картины мира входят, в частности, специфическая квалификация определенных предметных областей и соответственная ориентация этих областей на ту или иную сферу общения [Карасик, 2002, с. 129—130]. Определение понятия предметной области варьируется в зависимости от того контекста, в котором оно используется. Структура предметной области предполагает наличие объектов, в качестве которых выступают разнородные элементы: предметы, явления, процессы, события, факты и мн. др. Сюда же относят отношения между объектами, наличие которых предусматривает и суще-

ствование субъекта, то есть кого-то, чьи действия направлены на объекты. Таким образом, предметная область воспринимается как часть реального мира и понимается как динамическая, социально детерминированная структура [Лихолетова, 2005, с. 12]. С опорой на мнение ряда исследователей мы определяем предметную область как сферу, соотносительную с некоторым фрагментом действительности, выделяемую, структурируемую и интерпретируемую в соответствии с целями, методами и инструментарием какой-либо деятельности, осуществляемой над некоторым классом входящих в нее объектов [Белоусов и др., 2014, с. 52].

К. И. Белоусов, Д. А. Баранов и Н. Л. Зелянская пишут о том, что термины, используемые в работах о предметных областях, относятся к разным подсистемам и структурам информационного пространства науки [Там же, с. 53], в связи с чем правомерно, на наш взгляд, рассматривать предметную область как сферу, которая в языке и речи приобретает специфичность своего выражения, что в совокупности составляет некий институциональный дискурс с набором характерных для него понятийных единиц. В данном ракурсе он выступает как связный текст, включающий в себя социокультурные, психологические и другие факторы. В целом, дискурс — это текст, взятый в событийном аспекте, то есть речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и в механизмах сознания [Арутюнова, 1990, с. 136—130]. Мы полагаем, что коммуникация в определенной предметной деятельности осуществляется посредством соответствующего типа дискурса, а следовательно, его структура, профессиональная направленность и сфера реализации оказывают влияние на ту языковую картину мира, которая формируется у субъектов предметной области. Отражаемая в рамках определенного дискурса языковая картина мира сформирована типичными для данного дискурса лингвистическими средствами, привлекаемыми для описания соответствующей предметной области.

В некоторых работах инвариант языковой картины мира в определенной предметной или концептуальной области представляется дискурсивной картиной мира, которая формируется в результате комбинации сознания, языка и реальности и меняется вместе с ними. О способности дискурсивной картины мира к динамическим изменениям пишет и З. И. Резанова, уточняя, что это объясняется «впаянностью» дискурсов в социальные процессы [Резанова, 2011, с. 39].

По утверждению П. Рикёра, в основе дискурса находится высказывание, которое обладает направленной интенцией [Рикёр, 2008, с. 141—142]. Иными словами, адресант стремится в помощью речевых действий достичь неких целей, которые с развитием информационного пространства

постоянно усложняются, методы формирования смыслов и влияния на аудиторию становятся все более комплексными. В широком, социально-семиотическом смысле это воздействие может осуществляться различными медиаспособами, в том числе посредством изображений, фильмов и пр., а также их комбинациями с речевыми инструментами [van Leeuwen, 2005, p. 123]. В результате, по мнению А. В. Мельника и Т. И. Шемонаева, дискурс превращается в сетевое коммуникативное пространство, в котором осуществляется конструирование и переформатирование реальности [Мельник и др., 2019, с. 6].

Экономический дискурс в этом случае не исключение, а прямое доказательство справедливости слов А. В. Мельника. Как один из подвидов институционального дискурса экономический дискурс с помощью языковых и речевых средств специфически отображает предметную область «Экономика» и представляет собой социально детерминированный процесс, в рамках которого в едином информационном пространстве производятся, объективируются, транслируются и подвергаются оценочным характеристикам содержательно значимые формы, в том числе и письменные тексты заранее определенной тематики [Бадаева, 2023, с. 40—41].

Говоря об экономическом дискурсе как социально обусловленном процессе, нельзя не упомянуть, что значимым фактором его формирования в последнее время стала возможность подключения информационного поля без ограничений к цифровой среде, что постоянно влияет на качественный и количественный состав его участников. Из эксклюзивного продукта, понятного людям со специальными знаниями и квалификацией, он стал общедоступным в любой момент времени и приобрел некоторые характеристики, типичные для медиадискурса в целом. Тексты, составляющие экономический дискурс, неоднородны, поскольку современные возможности коммуникации размывают границы между тем, что рассматривается как СМИ, как научный анализ явлений или устный дискурс обсуждения вопросов экономики в различных социальных слоях общества. В связи с этим то, что публикуется в изданиях научного толка, часто приобретает черты, свойственные популярным псевдонаучным интерпретациям или публицистическому стилю обычных новостных порталов. Все это так или иначе вписывается в понятие экономического дискурса с его языковой картиной мира.

Средства массовой информации, в функции которых входит информирование населения о происходящем в мире и одна из сфер которых принадлежит к экономическому дискурсу, оказывают влияние на формирование общественного мнения, что прагматически обусловлено. Кроме передачи сведений о финансовых отношениях, инвестициях или хозяйственных свя-

зях, экономический дискурс определяет восприятие и оценку происходящих процессов, имеющих значение для жизни всех слоев населения. При этом нельзя исключать в экономическом дискурсе речевой манипуляции, превращающей язык в инструмент «формирования у широкой аудитории определенных предпочтений, вкусов, потребностей, предрассудков, стереотипов, которые выгодны манипулятору» [Ковешникова, 2014, с. 388].

Сейчас большой интерес вызывает анализ речевой манипуляции в политическом и рекламном дискурсе, поэтому манипулятивные стратегии и тактики уже довольно хорошо изучены. В экономическом дискурсе вопрос о речевом манипулировании не стоит так остро, что вполне закономерно в связи с его ориентированностью на оперирование объективными статистическими данными. Однако эмпирический материал свидетельствует о том, что и этому типу дискурса не чуждо речевое манипулирование, тактики и стратегии которого базируются на лексическом, грамматическом и других уровнях восприятия языковой системы [Найденова, 2016, с. 148—153].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Для того чтобы проследить, используются ли в экономическом дискурсе техники манипулятивного воздействия на его участников, и, в случае положительного ответа на этот вопрос, изучить приемы воздействия, были отобраны тексты немецкоязычных научных статей, опубликованных в период 2020—2023 годов на портале Кельнского института экономических исследований (IW). Статьи посвящены экономическим отношениям ЕС, Германии и Китая и сфокусированы на таких острых в настоящий момент темах, как наличие геостратегической зависимости экономики Европы от КНР и ее объективная оценка, способы снижения рисков, возможная необходимость частичного отказа от принципов свободного рынка и вмешательство властей Евросоюза в целом и Германии в частности в торговые взаимоотношения с китайскими партнерами.

Выбор темы и издания обусловлен актуальностью данных отношений для обеих сторон, поскольку они влияют на социально-политическую обстановку в Германии, имеют определенное значение для мировой экономики в целом. Корпусом исследования стали фрагменты статей за авторством Юргена Маттеса (и соавторов) — руководителя кластера международной экономической политики, финансовых и имущественных рынков Кельнского института экономических исследований (IW), в сферу научных интересов которого входят торгово-экономические взаимоотношения стран так называемой Большой семерки, ЕС и Китайской Народной Республики. Поскольку отобранные статьи представлены на официальном портале научно-исследовательского института, то мы вправе предположить, что они

отражают не только авторскую позицию, но и, в целом, точку зрения Кельнского института экономических исследований (IW), который был основан в 1951 году, а в настоящий момент является одним из самых влиятельных и независимых от органов государственной власти научных центров ФРГ, занимающихся анализом данных в экономике и сопредельных сферах. Будучи связан с различными предпринимательскими ассоциациями, в частности — с Конфедерацией немецких ассоциаций работодателей и Федерацией немецкой промышленности, и отражая либеральные экономические позиции, Кельнский институт экономических исследований представляет собой головное учреждение лоббистской организации Initiative Neue Soziale Marktwirtschaft (Инициатива «Новая социальная рыночная экономика»), что предполагает некоторую идеологическую направленность в подходах института к освещению полученных в процессе работы результатов. При этом нельзя исключать и стремления к объективности и беспристрастности в предлагаемом материале, потому что, как справедливо замечает В. И. Карасик, и то, и другое по сути своей является основной ценностью научного дискурса [Карасик, 2002, с. 230—232].

Рассмотренные тексты свидетельствуют о наличии в них средств манипулятивного воздействия, которые, на наш взгляд, влияют на формирование языковой картины мира участников экономического дискурса.

В работе мы опирались на структурно-логический метод с использованием методик систематизации, классификации и понятийного анализа; метод контекстологического анализа дискурса при описании включения в текст элементов манипулятивного воздействия; метод семантического анализа для характеристики лексических единиц, воспринимаемых как инструмент манипулирования; метод стилистического анализа, а также метод статистической обработки данных. Методология исследования при выявлении метафор опирается на когнитивно-дискурсивный подход. Основными методами исследования при этом являются классификация, семантическая интерпретация, контекстуальный анализ. В исследовании также используются общенаучные методы: метод сплошной выборки, количественный подсчет, обобщение, сопоставление, описание и интерпретация.

При выявлении элементов речевого манипулирования в рамках экономического дискурса мы ориентировались на частотность использования определенных языковых явлений, в семантике которых эксплицитно, а чаще имплицитно актуализировалась определенная тематическая направленность, предполагающая неявную отрицательную коннотацию действий Китая в экономическом сотрудничестве с Германией.

Общий объем статей, отобранных нами для исследования, составил 16 847 слов, или 2,7 авторских листа. Опираясь на работы специалистов по

вопросам манипулятивного воздействия [Виноградова, 2010; Ковешникова, 2014; Найденова, 2016; Шагбанова, 2020; van Dijk, 2006; van Leeuwen, 2005], мы трактуем определенные лексические единицы как инструменты речевого манипулирования, общее количество которых в названном объеме составило 63. Таким образом, на каждые 267 слов в среднем обнаруживается один элемент, так или иначе несущий в себе оценочный (идеологически маркированный) потенциал воздействия на адресата. Поскольку исследований, посвященных количественному сопоставлению инструментов речевого манипулирования в текстах экономической тематики, не проводилось, полученный статистический результат может рассматриваться как отправная точка для определения соотношения общего текста и введенных в него маркеров манипулирования и открывает возможность для дальнейших исследований такого рода в различных видах дискурса.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Способы влияния на языковую картину мира

В контексте определенной коммуникативной ситуации на реципиента речи оказывают влияние, в первую очередь, слова, которые могут утрачивать или приобретать необходимый продуценту речи коннотативный смысл, влияя на сознание адресата в зависимости от намерения говорящего / пишущего. Их выбор — субъективно-оценочный акт, в котором лексические единицы представляют собой средство активации единой системы представлений в сознании реципиента [Шагбанова, 2020, с. 73]. Именно слово становится инструментом языковой манипуляции, потому что с его помощью в человеческом сознании актуализируются концепты, влияющие на формирование языковой картины мира как внутри некоего сообщества в целом, так и у субъектов определенной предметной области в одном из отдельно взятых дискурсов.

Способы влияния на языковую картину мира разнообразны и варьируются в зависимости от компонентов языковой системы и типа дискурса. С. А. Виноградова пишет о приемах трансформации лексической семантики через переход на нужный адресанту-манипулятору уровень стилистической окраски, благодаря чему манипулирование имеет место, не очень существенно искажая факты. Для этого используются эвфемизмы, дисфемизмы, метонимические единицы, метафоры, конверсивы, «слова-амебы», имеющие общую семантику и получающие коннотацию только в контексте, неологизмы, прецедентные феномены и т. д. [Виноградова, 2010, с. 97]. На грамматическом уровне языковой системы при манипулировании задействованы в первую очередь вариативно используемые глагольные формы — переход активного залога в пассивный, использование

сослагательного наклонения, средств выражения различного типа модальности и др. [Шагбанова, 2020, с. 76].

В отличие от политического или рекламного в экономическом дискурсе признак целенаправленности речевой манипуляции размыт, поэтому не всегда можно однозначно определить, что является целью коррекции картины мира адресата. Важно также отметить, что отдельно взятое языковое средство не обязательно оказывает необходимое манипулятивное воздействие. Как правило, в контексте речевого потока различные языковые средства представлены комплексно и именно таким образом оказывают влияние на восприятие подаваемой в сообщении информации. В этой связи уместно вспомнить замечание Т. ван Дейка, что в рамках критического анализа дискурс оценивается как манипулятивный прежде всего с точки зрения его контекстных категорий, а не текстовых структур [van Dijk, 2006, p. 372]. Перейдем к анализу.

3.2. Метафора как средство манипулятивного воздействия на формирование языковой картины мира в экономическом дискурсе

Наиболее частотным элементом с соответствующей коннотацией в предлагаемом корпусе текстов, по нашим наблюдениям, выступает метафора, которая с когнитивной точки зрения остается значимым способом осмысления и трактовки явлений объективной реальности и представляет собой весьма эффективный инструмент формирования того или иного представления о фактах внеязыковой действительности. По этому поводу О. Л. Михалева резонно замечает, что, используя ту или иную метафорическую модель, адресант способен выстроить выгодную ему картину в сознании адресата [Михалева, 2008, с. 92—93]. Рассмотрим это на примере фрагмента (1):

(1) *Denn China ist bei Elektrofahrzeugen gerade dabei, die europäischen Märkte zu erobern, wenngleich noch von geringer Basis ausgehend. Auch erscheint es fraglich, wie die energieintensive Chemieindustrie ihre gesamtwirtschaftlich relevanten Exporterfolge bei so hohen Energiekosten verteidigen soll, zumal China auch hier Boden wettgemacht hat* [Mattes, 2023b, S. 4] (Ведь Китай уже принялся завоевывать европейские рынки, хотя и располагая пока лишь незначительной ресурсной базой. Также под вопросом, как энергоемкой химической промышленности следует **защищать** свой экспортный успех при таких высоким ценах на энергоносители, тем более что их Китай тоже компенсировал) (здесь и далее перевод наш. — Н. Б.).

Выбор военной метафоры в виде оппозиции *завоевывать* — *защищать* в (1) расставляет необходимые адресанту акценты: Китай наделяется ролью захватчика, а европейская промышленность оказывается в обороняющейся позиции, что вызывает сочувствие. Китай при этом ведет не

только внешнюю экспансию, но и предпринимает шаги для собственной защиты, вынашивая стратегические планы, что показано уже в (2).

(2) *Ganz generell wirkt die chinesische **Wirtschaftsstrategie** mittelfristig darauf hin, weniger zu importieren* [Mattes, 2023a, S. 3] (В целом в среднесрочной перспективе **экономическая стратегия** Китая направлена на уменьшение импорта).

Отметим, что в приведенных примерах (1 и 2) милитарные метафоры имплицитно используются для создания образа КНР как агрессивного партнера, имеющего далекоидущие намерения не в пользу западных партнеров. При этом сами партнеры отнюдь не бездействуют, что показывает пример (3), где актуализируется метафорическая модель КАРТОЧНОЙ ИГРЫ:

(3) *Weitere Güter dieser Gruppe, die hier aufgrund der hohen westlichen Einfuhren als **westliche Joker** tituliert werden, sind Zubehör für Kraftfahrzeuge, Eisenerzeugnisse oder Teile für Maschinen und Geräte im Hochbau und Straßenbau* [Iglesias, 2023, S. 13] (Другие товары этой группы, которые мы по причине высокого объема западного импорта назовем здесь **джокерами Запада**, являются комплектующими для автотранспорта, изделиями металлургической промышленности или запчастями для станков или приборов для наземного и дорожного строительства).

В карточной игре джокер обозначает высшую козырную карту, свойство которой — в нужный момент обеспечить преимущество игроку. Это надежное средство повернуть ход событий неожиданно для соперника в свою сторону. Из примера (3) следует, что западные партнеры Китая представляются как умелые и опытные игроки, имеющие в своем распоряжении скрытые до поры инструменты воздействия. Важно в этом контексте отметить, что актуализация военной метафоры в (2), описывающая шаги Китая по уменьшению импорта, с прагматической точки зрения показывает Китай как злонамеренного и неискреннего партнера, то есть несет в себе негативный эмотивно-оценочный компонент, в то время как метафора КАРТОЧНОЙ ИГРЫ, описывающая аналогичные проявления ненадежного партнерства со стороны Запада, реализует в себе скрытую семантику одобрения, указывая на предусмотрительность последнего.

С помощью метафоры девальвируется и значимость КНР как одной из ведущих держав современного мира, что наблюдается в (4) и (5):

(4) *Die Einbindung in die Globalisierung führte das Land bislang auf einen Pfad der abhängigen Entwicklung, der die Herausbildung einer autarken Supermacht verhinderte, und stattdessen eine **fragile** Großmacht hervorbrachte, die abhängig ist vom funktionierenden Welthandel* [Iglesias, 2023, S. 15] (Встраивание страны в процесс глобализации до сих пор вело ее по пути

зависимого развития, которое препятствовало формированию автаркической сверхдержавы, а создало *хрупкую* великую державу, которая зависит от функционирующей мировой торговли).

В контексте примера (4) уместно напомнить, что слово *fragil* принято в описании международных перевозок как общепризнанный маркер хрупкого, легко бьющегося товара. Употребление этого определения в комбинации с лексической единицей *великая держава* обесценивает значимость последней и представляет ее как нечто недолговечное, легко поддающееся разрушению, ненадежное в долгосрочной перспективе.

Пример (5) представляет собой довольно прямолинейный метафорический перенос, умаляющий значимость Китая как партнера-противника:

(5) *China ist trotz technologischer Sprünge immer noch die Werkbank der Welt und kann gegenüber der EU, den USA und Japan einen Exportüberschuss vorweisen, wohingegen nur mit wenigen Ländern des Westens ein Handelsdefizit besteht, darunter Australien und Südkorea* [Iglesias, 2023, S. 6] (Китай, несмотря на технологические скачки, все еще является *мастерской мира* и, хотя и показывает активное сальдо торгового баланса по сравнению с ЕС, США и Японией, но при этом имеет внешнеторговый дефицит с другими странами Запада, среди которых Австралия и Южная Корея).

В примере (5) акцент метафорически делается на то, что Китай, представленный как мировая фабрика любого производства, не обладает собственными инновациями, а лишь создает продукт по чужим образцам. Кроме того, здесь прослеживаются элементы девальвации значимости (*immernoch; wohingegen nur*), которые, хотя и не являются метафорическими единицами, но в комбинации с обесценивающей метафорой снижают уровень релевантности основного субъекта высказывания.

Приводимый далее пример (6) развивает тему девальвации авторитета КНР:

(6) *Allerdings sehen westliche Firmen China hier als Fitnesscenter und werden sich an der technologischen Weiterentwicklung vor Ort aktiv beteiligen* [Iglesias, 2023, S. 18] (Как бы то ни было, западные компании рассматривают в данном вопросе Китай как *фитнес-центр* и будут активно участвовать в дальнейшем техническом развитии страны).

Фрагмент (6) любопытен тем, что одна лексическая единица выполняет одновременно несколько функций: 1) она является репрезентацией метафоры СПОРТ, при этом акцентируется заурядность события, ведь фитнес-центр — это место, куда ходят рутинно и с целью отдыха, а не площадка больших спортивных достижений; 2) с прагматической точки зрения эта метафора интерпретируется как признак недостаточной значимости Китая на пути технологического прогресса; и 3) это заимствование

из английского языка, выполняющее в данном контексте функцию привлечения внимания адресата.

3.3. Роль англицизмов при оказании манипулятивного воздействия на формирование языковой картины мира в экономическом дискурсе

После метафор именно заимствования из английского языка являются второй количественно крупной группой средств (10 фрагментов), несущих в себе возможный потенциал манипулятивного воздействия на адресата.

Исследователи отмечают, что англицизмы нередко выступают в роли элементов языковой манипуляции [Изюмская, 2012, с. 213], поскольку их употребление может влиять на общественное и индивидуальное восприятие [Васильев, 2022, с. 47], а расплывчатая семантика облегчает незаметное внедрение смысла в сознание [Демьянков, 2002, с. 32], что уже было показано в (6). Той же мысли придерживаются и социологи, отмечая потенциальную множественность интерпретаций заимствований [Старицына и др., 2019, с. 100], что можно наблюдать в примере (7):

(7) *Sollten sich die US-Sanktionen hier auch mittelfristig als effektiv erweisen, könnte eine mangelnde Versorgung den weiteren Fortschritt in China in diesen **Cutting-Edge**-Bereichen hemmen* [Iglesias, 2023, S. 18] (Если санкции США и здесь окажутся эффективными в среднесрочной перспективе, то недостаток снабжения может воспрепятствовать дальнейшему прогрессу Китая в этих *суперсовременных* сферах).

В отличие от уже устоявшегося во всех языках *фитнес-центра* из примера (6) значение приведенного заимствования *Cutting-Edge* неочевидно, оно может быть истолковано как название неких новейших областей деятельности, которые развиваются в англоязычном пространстве. Ближайший контекст с упоминанием США создает у адресата иллюзию, что в продвинутых сферах США настолько опережают Китай, что это не может не способствовать замедлению развития последнего. Схожим образом мы трактуем и взаимодействие англицизма *Player* с его окружением в контексте примера (8):

(8) *Seit der beschleunigten Ausweitung des Handels mit dem Westen am Anfang des Jahrtausends wurde China nach und nach ein immer einflussreicherer geopolitischer **Player** und eine wirtschaftliche Supermacht* [Iglesias, 2023, S. 6] (После ускоренной экспансии торговых отношений с Западом в начале тысячелетия Китай мало-помалу становился все более влиятельным геополитическим *игроком* и экономической супердержавой).

С точки зрения теории концептуальной интеграции [Turner et al., 1996] употребление в (8) англоязычного слова *Player* в соотношении с синекдохой *Westen* можно интерпретировать как способ представить Китай страной, до-

бившейся своими постепенными успехами во взаимодействии со странами Большой семерки статуса значимого, принятого «в игру» партнера.

В целом, предположение лингвистов о том, что заимствования (чаще всего англицизмы) служат для смещения акцентов и формирования новых смыслов, подтверждаются, о чем свидетельствует (9):

(9) *Das Bestreben nach **De-Risking** geht teilweise mit der Forderung einher, kritische Produkte in Europa zu produzieren. Vorab ist jedoch zu prüfen, ob sich eine verlässliche Versorgung nicht durch Importe und eine Kombination von Diversifizierung und **Friendshoring** erreichen lässt* [Industriepolitik ..., 2023, S. 40] (Стремление к *дерискингу* частично сопровождается требованием производить критически важную продукцию в Европе. И все же заблаговременно следует проверить, не получится ли обеспечить надежное снабжение за счет импорта и комбинации диверсификации и *френдшоринга*).

В данном фрагменте *De-Risking* обозначает отнюдь не снижение рисков, а стратегический подход, разработанный странами Большой Семерки и ЕС применительно к экономике КНР с целью ее ограничения. Характеристику этому подходу дает профессор Йельского университета Пол Гевирц в своей статье «Words and Policies: ‘De-risking’ and China Policy», попутно отмечая, что неологизм *de-risking* (*снижение рисков*) звучит гораздо более умеренно и интуитивно приятнее для адресата, чем предлагавшийся ранее в качестве названия эвфемизм *decoupling* (*отключение*). Такое смещение акцентов в результате позволило западным странам уменьшить внутренние противоречия и найти консенсус в отношении Китая. При этом П. Гевирц делает оговорку, что само по себе слово *de-risking* крайне неоднозначно, а его значение неопределенно [Gewirtz, 2023]. Таким образом, речь идет не о том, чтобы изменить подход, а лишь о поиске более благозвучного названия для него, ведь с семантической точки зрения в слове *de-risking* содержится всего лишь желание уменьшить опасность, в то время как *decoupling* несет проактивную семантику агрессии.

Что касается лексической единицы *Friendshoring*, то это неологизм и в англоязычном пространстве, обязанный своим появлением американскому дипломату Б. Глик, занимавшей с 2019 по 2020 годы пост заместителя директора Агентства США по международному развитию. Впоследствии этот неологизм использовался в выступлениях министра финансов США Дж. Йеллен, а позже — и Белым домом в докладе об устойчивых цепочках поставок в июне 2022 года. Под ним подразумевается практика перемещения цепочек поставок в страны, где невелик риск сбоев из-за политических проблем [Kessler, 2022]. Семантический акцент на дружбу и недвусмысленно заявленная необходимость избегания политических разногласий прямо очерчивают круг лояльных стран-партнеров.

Примеры (6) — (9) представляют лишь малую часть англицизмов, которые в контексте данной публикации иллюстрируют свой потенциал как средств оказания влияния на формирование языковой картины мира в экономическом дискурсе.

3.4. Фразеологизмы в роли усилителей манипулятивного воздействия на формирование языковой картины мира в экономическом дискурсе

Инструментами речевой манипуляции выступают также фразеологизмы. Их основная функция, как известно, заключается в обогащении речи, увеличении ее образности, а следовательно — и ее эмотивной составляющей. В собранном материале нами было выявлено 7 употреблений фразеологизмов, которые могут ситуативно трактоваться как актуализация манипулятивного воздействия. Безусловно, в научном экономическом дискурсе фразеологизмы не являются доминирующим лексическим средством, но тем более яркое впечатление они способны произвести:

(10) *Besser sieht es dagegen beim Verbrennungsmotor aus, denn hier findet ein Technologiewechsel auf Elektromotoren statt. Damit ist die große Komplexität der Verbrennertechnologie nicht länger nötig, an der sich China jahrzehntelang **die Zähne ausgebissen** hat* [Iglesias, 2023, S. 17] (Напротив, с двигателями внутреннего сгорания ситуация выглядит лучше, ведь тут происходит технологический переход к электромоторам. Таким образом, высокосложная технология, о которую Китай десятилетиями *ломал зубы*, не нужна).

Семантика неудачи, сопряженной с какими-либо бесполезными усилиями, заключающаяся в словосочетании *die Zähne ausbeißen* (*обломать зубы*), подкрепляется указанием на длительность *jahrzehntelang* (*десятилетиями*) и реализует прагматическую задачу — представить Китай аутсайдером в автомобилестроении. Эта отрасль считается одной из приоритетных в индустриальном профиле развитых стран, а в Германии она является национальным брендом, и ее успехи или неудачи оказывают значительное влияние на имидж страны. Таким образом, имплицитно закладывается ощущение, что Германия продолжает оставаться в лидерах автомобилестроения на фоне фиаско Китая.

Концепция состязательности Германии и Китая особенно ярко реализуется с помощью фразеологизмов, распространенных в спортивной коммуникации. Эта сфера речевой деятельности характеризуется соответствующей стилистической спецификой, с одной стороны, и значительной экспрессивностью, с другой. Учитывая, что экономической деятельности также свойственна конкуренция, мы полагаем, что перенос спортивных фразеологизмов в виде устойчивых словосочетаний в экономический дискурс повышает степень эмоционального воздействия на адресата, что мо-

жет быть расценено как реализация намеренного или ненамеренного манипулятивного воздействия:

(11) *Zunehmende geopolitische Konfliktpotenziale sowie der Systemwettbewerb mit China können starke wirtschaftliche Abhängigkeiten in kritischen Bereichen zu Erpressbarkeiten werden lassen. Auch technologisch drohen Deutschland und Europa in einigen Bereichen **ins Hintertreffen zu geraten**, in anderen ihren technologischen **Vorsprung einzubüßen*** [Industriepolitik ..., 2023, S. 39] (Увеличивающийся потенциал геополитических конфликтов, равно как системная конкуренция с Китаем могут дать возможность превращения сильных экономических зависимостей в критических отраслях в повод для шантажа. Технологически также для некоторых отраслей Германии и Европы существует угроза **остаться за флажками**, а для других сфер — **утратить свое преимущество**).

Фразеологизм *ins Hintertreffen geraten* (**остаться за флажками**) и *Vorsprung einbüßen* (**утратить преимущество**) актуализируют экспрессивную отрицательную коннотацию, в которой оппозиция «свои — чужие» нацелена на создание эффекта сопереживания и желания победы для «своих».

3.5. Экспрессивы и эмотивы как средства, усиливающие манипулятивное воздействие при формировании языковой картины мира в экономическом дискурсе

Следующую группу лексических единиц, оказывающих на адресата ассоциативно-эмоциональное воздействие, представляют слова с оценочными коннотациями — экспрессивы и эмотивы. Вслед за В. И. Шаховским мы понимаем под *эмотивами* языковые единицы, в семантической структуре которых имеется эмоциональная доля в виде семантического признака, экспрессивы, в свою очередь, представляют собой языковые единицы, основной семиологической функцией которых является экспрессия, то есть усиление воздействующей силы за счёт сем усиления, образности и др. [Шаховский, 2012, с. 24—25].

Рассмотрим несколько типичных примеров, содержащих данные явления:

(12) *Standen die Beziehungen Chinas zum Westen anfangs noch unter der Ägide fortschreitender wirtschaftlicher Verflechtung und Globalisierung, entwickelten sie sich im Laufe der Jahre mehr und mehr — nicht zuletzt durch das **selbstbewusste und dominanter auftretende China** — zu einem Systemwettbewerb, der in den letzten Jahren zu einem veritablen Systemkonflikt **mutiert** ist* [Iglesias, 2023, S. 6] (Если поначалу отношение Китая к Западу развивалось под эгидой развивавшейся экономической интеграции и глобализации, то с течением лет оно все больше — не в последнюю очередь из-за **самоуверенного и доминантно ведущего себя** Китая — превращалось в систем-

ное соперничество, которое в последние годы **мутировало** в истинный системный конфликт).

Лексические единицы *selbstbewusst* (самоуверенный) и *dominanter auftretend* (ведущий себя доминантно) в (12) несут в себе негативные компоненты значения и используются для описания неприятных персонажей, практикующих заносчивое и подавляющее других поведение. В данном фрагменте эти определения функционально влияют на формирование представления адресата о Китае в неблагоприятном ключе, выстраивая следующий ассоциативный ряд: *самоуверенный — подавляет — лучше не иметь с ним дела*. Нелестное впечатление о таком участнике мировой интеграции усиливает и метафорически употребленный глагол с отрицательной коннотацией — *mutiert* (мутировал).

Во фрагменте (13), кроме экспрессивного существительного *Drohgebärden* (угрожающие жесты) и наречия *gravierend* (отягощающий, серьезный), на повышение эмотивности высказываний влияют наречия в превосходной степени *spätestens* (не позднее чем) и *möglichst bald* (максимально быстро):

(13) *Die große wirtschaftliche Abhängigkeit von China ist spätestens nach den militärischen Drohgebärden Pekings gegenüber Taiwan als gravierendes Problem erkannt und soll möglichst bald reduziert werden. Das Gegenteil fand jedoch im ersten Halbjahr 2022 statt. Die deutschen Direktinvestitionsflüsse nach China waren noch nie so hoch* [Mattes, 2022, S. 1] (Большая экономическая зависимость от Китая была признана серьезной проблемой не раньше, чем после военных угроз Пекина в адрес Тайваня, и ее следовало бы сократить как можно скорее. Однако в первой половине 2022 года произошло обратное. Поток прямых инвестиций Германии в Китай никогда еще не был настолько высоким).

Элементы, содержащие в себе долю эмотивной и экспрессивной семантики (куда следует отнести и сочетание *noch nie so* (никогда еще так...), создают впечатление необходимости скорейших действий, препятствующих прямым инвестициям в китайскую экономику со стороны Германии. Они встраиваются в стилистически нейтральный текст, имплицитно нагнетая напряжение и ощущение опасности, исходящей от экономического партнерства с Китаем.

3.6. Элементы грамматического уровня восприятия языковой системы, манипулятивно влияющие на формирование языковой картины мира в экономическом дискурсе

Наблюдения за языковыми элементами на уровне грамматической организации текста, которые встречаются в рамках корпуса исследованного материала, показывают, что, кроме прилагательных и наречий в превос-

ходной степени, в этой роли выступают и средства выражения различных видов модальности. Среди них следует отметить довольно высокую частотность модальных глаголов *sollen*, *können* и *dürfen* в форме претеритального конъюнктива. С нашей точки зрения, эти средства направлены на смягчение категоричности высказывания.

К примеру, глагол *sollen*, выступающий по большей части индикатором внешней инстанции деонтики (безусловного обязательства), во фрагменте (14) передает скорее императивную семантику через его трехкратный повтор в форме претеритального конъюнктива в следующих друг за другом предложениях. Некатегоричность данной глагольной формы позволяет смягчить жесткость указания:

(14) *Darüber hinaus sollte die Politik Unternehmen mit starken Risikoexposures in China dazu bringen, ein adäquates Risikomanagement zu betreiben. Es geht ähnlich wie im Bankensystem darum, systemische Risiken für die deutsche Volkswirtschaft zu verhindern und im Verlustfall ein Bailout durch den Steuerzahler auszuschließen. Unternehmen sollten daher in der Bilanzberichterstattung verpflichtet werden, über geopolitische Klumpenrisiken und über mögliche betriebliche Verluste bei der Realisierung dieser Risiken zu berichten. Zudem sollten sie Notfallpläne für diesen Fall erstellen und vorhalten* [Mattes, 2022, S. 3] (Более того, политикам *следует* поощрять компании, имеющие высокорисковый бизнес в Китае, к адекватному управлению рисками. Речь идет о том, чтобы по аналогии с банковской системой предотвратить системные риски для экономики Германии и, в случае внезапного ущерба, исключить финансовую помощь предприятиям за счет налогоплательщиков. Поэтому *следует* обязать компании сообщать в балансовой отчетности о геополитических кластерных инвестиционных рисках и о возможных операционных потерях при реализации этих рисков. Кроме того, компаниям *следует* подготовить и поддерживать в рабочем состоянии планы действий в чрезвычайных обстоятельствах на этот случай).

Такое же смягчение семантики диспозиционной модальности глагола *können*, выступающего средством выражения объективной возможности, происходит благодаря форме претеритального конъюнктива в (15). В результате возможность становится гипотетической, что продиктовано, на наш взгляд, снижением алармистского тона информации, предупреждающей о потенциальном банкротстве из-за сотрудничества с китайскими партнерами. Хотя опасения как бы смягчаются, они формулируются довольно четко, а ответственность за реалистичность их воплощения снимается благодаря форме глагола:

(15) *Bei in China besonders exponierten deutschen Unternehmen könnte das dann absehbar kollabierende China-Geschäft durch Einbußen auf der Ab-*

satzseite möglicherweise sogar in die Pleite führen [Mattes, 2022, S. 1] (Тогда в обозримом будущем схлопывающийся бизнес в Китае тех немецких компаний, которые занимают там видное положение, из-за убытков в сфере продаж мог бы довести их даже до банкротства).

Семантику предположения (эпистемической модальности) несет в себе глагол *dürfen*, который в индикативе передает значение позволения в условиях ограниченной свободы действий. В примере (16) мы снова сталкиваемся с повтором модального глагола, форма претеритального конъюнктива которого подчеркивает, что речь идет об одном из возможных вариантов развития событий, но с потенциально негативными последствиями. Это не может не оказывать на участников экономического дискурса определенно-го манипулятивного воздействия при формировании картины мира.

(16) *Die Lieferkettenengpässe **dürften** zwar nicht dauerhaft sein, aber wenn einmal ein Wechsel des Lieferanten erfolgt ist und dessen Leistung stimmt, **dürfte** es für das deutsche Unternehmen schwer werden, den deutschen Kunden wieder zurückzugewinnen* [Mattes, 2023a, S. 3] (И хотя дефицит поставок, по-видимому, вряд ли будет долговременным, но если когда-нибудь произойдет смена поставщика (на китайского. — И. Ш., Н. Б.) и его услуги будут удовлетворительными, то, скорее всего, немецким поставщикам будет трудно вернуть этого клиента себе).

4. Заключение = Conclusions

По результатам анализа предложенных фрагментов текстов мы считаем правомерным сделать следующие выводы:

При формировании языковой картины мира в экономическом дискурсе выбор речевых стратегий ориентирован на объективированное представление соответствующей предметной области. В связи с этим используемые языковые средства не несут в себе однозначно негативной или позитивной оценочности. Однако определенное манипулятивное воздействие осуществляется комплексно через ряд инструментов, к которым относятся метафоры, англицизмы, эмотивы и экспрессивы, сочетающие в себе различные коннотации, имплицитно включающие одобрение или неодобрение каких-либо явлений и фактов.

Манипулирование в экономическом дискурсе намеренно заретушировано, то есть имеет имплицитный характер. В рамках выбранной нами тематики выяснено, что в подобных текстах представлять китайскую экономику в однозначно негативном свете нецелесообразно, однако нельзя не заметить тенденции занижения значимости успехов, негативной оценки деловой активности, преувеличения степени опасности для партнеров по бизнесу со стороны Китая. С одной стороны, любые отношения в данной

сфере всегда направлены на получение прибыли, причем способы и возможности не имеют большого значения, о чем автор статей не может не знать. Но, с другой стороны, стремление экономического конкурента к выгоде становится предметом скрытого осуждения, поводом для осторожности и ожидания неожиданного удара.

Как показывает представленный материал, исследования различных сторон экономического дискурса вскрывают, какой потенциал скрытых смыслов содержат в себе тексты этой тематики. Они требуют дальнейшего анализа и обобщения.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
--	--

Источники и принятые сокращения

1. *Iglesias G. I. Chinas Abhängigkeit vom Westen bei Importen und Technologien* / G. I. Iglesias, J. Mattes // IW-Report 15/23. — 2023. — № 15(23). — 26 S.
2. *Industriepolitik in der Zeitenwende* / M. Hüther, H. Bardt, C. Bähr, J. Mattes, K.-H. Röhl, C. Rusche, T. Schaefer // IW-Policy Paper 7/23 : Aktuelle politische Debattenbeiträge. — 2023. — 46 S.
3. *Mattes J. China-Handel 2022 : Ungleichgewicht und Abhängigkeit weiter verstärkt* / J. Mattes // IW-Kurzbericht № 9/23. — 2023(a). — № 9(23). — 3 S.
4. *Mattes J. Entwicklung des Konkurrenzdrucks durch China auf dem EU-Markt : Update einer Vorläuferstudie* / J. Mattes // IW-Report 39/23. — 2023(b). — № 39 (23). — 23 S.
5. *Mattes J. China-Abhängigkeiten der deutschen Wirtschaft: Mit Volldampf in die falsche Richtung* / J. Mattes // IW-Kurzbericht № 68/22. — 2023(c). — № 68(23). — 3 S.

Литература

1. *Арутюнова Н. Д. Дискурс* / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — С. 136—137.
2. *Бадаева Н. В. Метафорическое моделирование в экономическом дискурсе немецкоязычных сетевых СМИ* / Н. В. Бадаева. — Москва : Питер, 2023. — 192 с. — ISBN 978-5-4461-2162-5.
3. *Белоусов К. И. Научная предметная область: от онтологии к концептосфере* / К. И. Белоусов, Д. А. Баранов, Н. Л. Зелянская // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2014. — № 4 (41). — С. 52—62/
4. *Васильев А. Д. Нескромное обаяние англицизмов : магнетизм темных слов* / А. Д. Васильев // Сибирский филологический форум. — 2022. — № 1 (18). — С. 40—50. — DOI: 10.25146/2587-7844-2022-18-1-107.
5. *Виноградова С. А. Инструменты речевой манипуляции в политическом медиадискурсе* / С. А. Виноградова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2010. — № 2 (23). — С. 95—101.

6. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. — 2002. — № 3. — С. 31—44.
7. Изюмская С. С. Информационное поле СМИ и манипулятивные тактики англицизма в оппозиционном дискурсе / С. С. Изюмская // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. — 2012. — № 3 (23). — С. 213—218.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2.
9. Ковешникова М. Н. Речевая манипуляция и приемы речевого манипулирования / М. Н. Ковешникова // XVIII Царскосельские чтения : материалы междунар. науч. конф. (22—23 апр. 2014 г.) : в 3-х т. / под общ. ред. В. Н. Скворцова. — Санкт-Петербург : Изд. Ленингр. гос. ун-та, 2014. — Т. 1. — С. 387—394.
10. Лихолетова П. В. Когнитивно-прагматический анализ дискурса предметной области «живопись» : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Полина Вячеславовна Лихолетова. — Краснодар, 2005. — 174 с.
11. Мельник А. В. Дискурсивная картина мира : онтологический анализ / А. В. Мельник, Т. И. Шемяков // Известия Уральского федерального университета. Серия 3 : Общественные науки. — 2019. — Т. 14. — № 2 (188). — С. 5—13.
12. Михалева О. Л. Политический дискурс : Специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2008. — 256 с. — ISBN 9785397002271.
13. Найденова Н. С. Механизмы речевого воздействия в экономическом дискурсе : на примере текстов выступлений глав ФРС США / Н. С. Найденова // Вопросы психолингвистики. — 2016. — № 30. — С. 146—155.
14. Пименова М. В. Языковая картина мира / М. В. Пименова. — Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 2011. — 113 с. — ISBN 978-5-8353-1111-8.
15. Резанова З. И. Дискурсивные картины мира / З. И. Резанова // Картины русского мира : современный медиадискурс / редактор З. И. Резанова. — Томск : ИД СК-С, 2011. — С. 15—94.
16. Рикер П. Конфликт интерпретаций : очерки о герменевтике / П. Рикер. — Москва : Академический проект, 2008. — 696 с. — ISBN 978-5-8291-1025-3.
17. Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира / Б. А. Серебrenников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. ; отв. ред. Б. А. Серебrenников ; АН СССР, Ин-т языкознания. — Москва : Наука, 1988. — 212 с. — ISBN 5-02-010880-4.
18. Старицына О. А. Иностранные заимствования в СМИ как инструмент манипулирования аудиторией (социологический анализ) / О. А. Старицына, Л. Г. Хуснутдинова // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия : Экономика. — 2019. — № 1 (27). — С. 100—106. — DOI: 10.17122/2541-8904-2019-1-27-100-106.
19. Шагбанова Х. С. Языковые средства речевого манипулирования / Х. С. Шагбанова // Теории и проблемы политических исследований. — 2020. — Т. 9. — № 5А. — С. 72—80. — DOI: 10.34670/AR.2020.67.69.010.
20. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка : монография / В. И. Шаховский. — Москва : URSS, 2009. — 204 с. — ISBN 978-5-397-00204-2.
21. Gewirtz P. Words and policies : “De-Risking” and China policy [Electronic resource] / P. Gewirtz — Washington : Brookings Institution Press, 2023. — Access mode : <https://www.brookings.edu/articles/words-and-policies-de-risking-and-china-policy/> (accessed 08.07.2024).
22. Kessler S. What is “Friendshoring”? [Electronic resource] / S. Kessler — New York : The New York Times Company, 2022. — Access mode : <https://www.nytimes.com/2022/11/18/business/friendshoring-jargon-business.html> (accessed 08.07.2024).

23. Turner M. Conceptual integration and formal expression / M. Turner, G. Fauconnier // *Metaphor & Symbolic Activity*. — 1995. — № 10 (3). — Pp. 183—204. — DOI: 10.1207/s15327868ms1003_3.
24. Van Leeuwen T. *Introducing Social Semiotics* / T. van Leeuwen. — London and New York : Routledge, 2005. — 302 p. — ISBN 0-203-64702-5.
25. Van Dijk T. A. Discourse and manipulation / T. A. van Dijk // *Discourse & Society*. — 2006. — № 17 (3). — Pp. 359—383. — DOI: 10.1177/0957926506060250.

*Статья поступила в редакцию 13.07.2024,
одобрена после рецензирования 05.10.2024,
подготовлена к публикации 19.10.2024.*

Material resources

- Iglesias, G. I., Mattes, J. (2023). Chinas Abhängigkeit vom Westen bei Importen und Technologien. *IW-Report 15/23*, 15 (23): 26 S. (In Germ.).
- Industriepolitik in der Zeitenwende. (2023). *IW-Policy Paper 7/23: Aktuelle politische Debattebeiträge*. 46 S. (In Germ.).
- Mattes, J. (2023(a)). China-Handel 2022: Ungleichgewicht und Abhängigkeit weiter verstärkt. *IW-Kurzbericht № 9/23*, 9 (23): 3 S. (In Germ.).
- Mattes, J. (2023(b)). Entwicklung des Konkurrenzdrucks durch China auf dem EU-Markt: Update einer Vorläuferstudie. *IW-Report 39/23*, 39 (23): 23 S. (In Germ.).
- Mattes, J. (2023(c)). China-Abhängigkeiten der deutschen Wirtschaft: Mit Volldampf in die falsche Richtung. *IW-Kurzbericht № 68/22*, 68 (23): 3 S. (In Germ.).

References

- Arutyunova, N. D. (1990). Discourse. In: *Linguistic encyclopedic dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 136—137. (In Russ.).
- Badaeva, N. V. (2023). *Metaphorical modeling in the economic discourse of German-language online media*. Moscow: St. Petersburg. 192 p. ISBN 978-5-4461-2162-5. (In Russ.).
- Belousov, K. I., Baranov, D. A., Zelyanskaya, N. L. (2014). Scientific subject area: from ontology to the conceptual sphere. *Questions of cognitive linguistics*, 4 (41): 52—62. (In Russ.).
- Demyankov, V. Z. (2002). Political discourse as a subject of political science philology. *Political science*, 3: 31—44. (In Russ.).
- Gewirtz, P. (2023). *Words and policies: “De-Risking” and China policy*. Washington: Brookings Institution Press. Available at: <https://www.brookings.edu/articles/words-and-policies-de-risking-and-china-policy/> (accessed 08.07.2024).
- Izyumskaya, S. S. (2012). The information field of the media and manipulative tactics of Anglicism in oppositional discourse. *Education. Science. Innovation: The Southern Dimension*, 3 (23): 213—218. (In Russ.).
- Karasiuk, V. I. (2002). *Linguistic circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremenna. 477 p. ISBN 5-88234-552-2. (In Russ.).
- Kessler, S. (2022). *What is “Friendshoring”?* New York: The New York Times Company. Available at: <https://www.nytimes.com/2022/11/18/business/friendshoring-jargon-business.html> (accessed 08.07.2024).
- Koveshnikova, M. N. (2014). Speech manipulation and techniques of speech manipulation. In: *XVIII Tsarskoye Selo readings: materials of the international scientific conference*

- (April 22—23, 2014): in 3 volumes, 1. St. Petersburg: Publishing House of the Leningrad State University. 387—394. (In Russ.).
- Likholetova, P. V. (2005). *Cognitive-pragmatic analysis of the discourse of the subject area "painting"*. PhD Diss. Krasnodar. 174 p. (In Russ.).
- Melnik, A. V., Shemonaev, T. I. (2019). The discursive picture of the world: an ontological analysis. *Izvestia of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences*, 14 (2 (188)): 5—13. (In Russ.).
- Mikhaleva, O. L. (2008). *Political discourse: The specifics of manipulative influence*. Moscow: LIBROCOM. 256 p. ISBN 978S397002271. (In Russ.).
- Naidenova, N. S. (2016). Mechanisms of speech influence in economic discourse: on the example of the texts of speeches by the heads of the US Federal Reserve. *Questions of psycholinguistics*, 30: 146—155. (In Russ.).
- Pimenova, M. V. (2011). *The linguistic picture of the world: a textbook*. Kemerovo: Kemerovo State University. 113 p. ISBN 978-5-8353-1111-8. (In Russ.).
- Rezanova, Z. I. (2011). Discursive pictures of the world. In: *Pictures of the Russian world: modern media discourse*. Tomsk: Publishing House SK-S. 15—94. (In Russ.).
- Riker, P. (2008). *Conflict of interpretations: essays on hermeneutics*. Moscow: Academic Project. 696 p. ISBN 978-5-8291-1025-3. (In Russ.).
- Serebrennikov, B. A. (ed.). (1988). *The role of the human factor in language: Language and the picture of the world*. Moscow: Nauka. 212 p. ISBN 5-02-010880-4. (In Russ.).
- Shagbanova, H. S. (2020). Linguistic means of speech manipulation. *Theories and problems of political research*, 9(5A): 72—80. DOI: 10.34670/AR.2020.67.69.010. (In Russ.).
- Shakhovskiy, V. I. (2009). *Categorization of emotions in the lexico-semantic system of language: monograph*. Moscow: URSS. 204 p. ISBN 978-5-397-00204-2. (In Russ.).
- Staritsyna, O. A., Khusnutdinova, L. G. (2019). Foreign borrowings in the media as a tool for manipulating the audience (sociological analysis). *Bulletin of the USPTU. Science, education, economics. Series: Economics*, 1 (27): 100—106. DOI: 10.17122/2541-8904-2019-1-27-100-106. (In Russ.).
- Turner, M., Fauconnier, G. (1995). Conceptual integration and formal expression. *Metaphor & Symbolic Activity*, 10 (3): 183—204. DOI: 10.1207/s15327868ms1003_3.
- Van Dijk, T. A. (2006). Discourse and manipulation. *Discourse & Society*, 17 (3): 359—383. DOI: 10.1177/0957926506060250.
- Van Leeuwen, T. (2005). *Introducing Social Semiotics*. London and New York: Routledge. 302 p. ISBN 0-203-64702-5.
- Vasiliev, A. D. (2022). The immodest charm of Anglicisms: the magnetism of dark words. *Siberian Philological Forum*, 1 (18): 40—50. DOI: 10.25146/2587-7844-2022-18-1-107. (In Russ.).
- Vinogradova, S. A. (2010). Tools of speech manipulation in political media discourse. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2 (23): 95—101.

*The article was submitted 13.07.2024;
approved after reviewing 05.10.2024;
accepted for publication 19.10.2024.*